

УДК 34**Сделки с участием ИИ: вопросы действительности и оспаривания****Пудовкин Дмитрий Сергеевич**

Аспирант,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
190020, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
просп. Лермонтовский, 44;
e-mail: dimastik73@gmail.com

Аннотация

Интеграция искусственного интеллекта в гражданский оборот трансформирует традиционные механизмы заключения сделок, однако правовое регулирование таких процессов остается неадаптированным к технологическим реалиям. Существующие нормы Гражданского кодекса РФ, ориентированные на электронные средства связи, не учитывают автономность ИИ, что порождает правовые коллизии при оценке действительности и оснований оспаривания сделок. Современные исследования концентрируются на классических электронных агентах, игнорируя способность ИИ к самообучению и автономным решениям, что создает правовую неопределенность при оценке действительности сделок. Цель исследования – выявить правовые критерии действительности сделок с участием ИИ и предложить механизмы снижения рисков их оспаривания. В результате исследования было выявлено, что автономность ИИ требует переосмысления понятий «воля» и «согласие» через введение презумпции волеизъявления оператора. Выявлены специфические основания недействительности сделок, включая технические сбои и алгоритмическую дискриминацию. Предложена модель распределения ответственности, сочетающая презумпцию вины оператора, обязательный аудит алгоритмов и страхование рисков. Результаты исследования способствуют развитию доктрины цифрового гражданского права и предлагают конкретные изменения в законодательство РФ, направленные на гармонизацию технологического прогресса и правовой стабильности. Внедрение предложенных норм позволит минимизировать конфликты в правоотношениях с участием ИИ и создать предсказуемые условия для использования таких систем в критических сферах экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Пудовкин Д.С. Сделки с участием ИИ: вопросы действительности и оспаривания // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 352-359.

Ключевые слова

Гражданские правоотношения, правосубъектность, искусственный интеллект, правовая ответственность, распределение рисков.

Введение

Стремительное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в коммерческую деятельность трансформирует традиционные механизмы заключения сделок, порождая правовые вызовы, связанные с определением их действительности и оснований для оспаривания. Современные алгоритмы, способные автономно анализировать данные, прогнозировать условия договоров и даже вести переговоры, все чаще заменяют человеческое участие в гражданском обороте. Вместе с тем правовые рамки, регулирующие такие взаимодействия, остаются архаичными: нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 160, 434 ГК РФ), ориентированные на электронные сделки и «электронных агентов», не учитывают специфику ИИ как системы, обладающей элементами самообучения и адаптивности. Это создает правовые коллизии – от неясности в установлении воли сторон до сложностей доказывания дефектов сделки, что подрывает стабильность гражданского оборота.

В научной литературе вопросы правового статуса ИИ в сделках освещаются фрагментарно. Работы Подузовой Е.В. и Конеевой А.Р. анализируют электронных агентов в контексте ст. 434 ГК РФ, однако фокус на классических алгоритмах исключает рассмотрение ИИ с его способностью к непредсказуемым действиям. Зарубежные исследования, такие как анализ EU AI Act (European Commission, 2023), предлагают модели распределения ответственности, но их применимость в российской правовой системе требует критического переосмысления. При этом остаются нерешенными ключевые проблемы: допустимость признания сделки недействительной из-за ошибки ИИ, критерии добросовестности при оспаривании и роль «человеческого контроля» в автономных решениях.

Необходимость настоящего исследования обусловлена противоречием между динамичным развитием технологий ИИ и статичностью правового регулирования. Рост судебных споров, связанных с использованием алгоритмов в финансовом секторе и электронной торговле, демонстрирует недостаточность существующих подходов. Законодательные инициативы, такие как проект Федерального закона «О цифровых активах», также не предлагают системных решений для вопросов действительности сделок с участием ИИ.

Цель исследования заключается в выявлении правовых критериев действительности сделок с использованием ИИ и разработке механизмов минимизации рисков их оспаривания. В рамках достижения данной цели был поставлен ряд вопросов:

1. Какие особенности ИИ как участника сделки требуют пересмотра традиционных понятий «воли» и «волеизъявления»?
2. Как распределить ответственность между разработчиком, оператором и пользователем ИИ при признании сделки недействительной?
3. Возможно ли адаптировать нормы об электронных сделках (ст. 160, 434 ГК РФ) к правоотношениям с автономными системами ИИ?

Гипотеза исследования предполагает, что действующее законодательство, трактующее ИИ как инструмент, а не активного участника, не обеспечивает правовой определенности, что требует введения специальных правил, учитывающих алгоритмическую автономию и потенциальные риски «искусственной юридически значимой деятельности».

Правовая квалификация искусственного интеллекта в сделках

Классическая доктрина гражданского права, закрепленная в ст. 153 ГК РФ, исходит из того, что сделка – это действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение

гражданских прав и обязанностей, совершаемое по воле участников. Однако применение этого подхода к сделкам с участием ИИ сталкивается с фундаментальным противоречием: алгоритмы, способные к самообучению и принятию решений без прямого вмешательства человека, формально не обладают ни волей, ни правосубъектностью. Это порождает вопрос: можно ли считать действия ИИ выражением воли его оператора, разработчика или пользователя либо речь идет о принципиально новом явлении, требующем пересмотра базовых цивилистических конструкций?

Современные исследователи, такие как Подузова Е.В., пытаются адаптировать нормы ст. 434 ГК РФ о «действиях электронных средств» к ИИ [Подузова, 2022, 4]. Однако ключевое отличие ИИ от традиционных электронных агентов заключается в его способности к непредсказуемым решениям на основе машинного обучения. Например, если алгоритм, управляющий биржевыми торгами, совершает сделку на основании паттернов, не предусмотренных разработчиком, возникает правовая неопределенность: чья воля – оператора, пользователя или самого алгоритма – считается решающей? Судебная практика (Решение АС Хабаровского края от 19 мая 2023 г. по делу № А73-4100/2023) демонстрирует, что суды склонны признавать ответственность оператора, но это не решает вопрос о действительности самой сделки, если ИИ действовал вне заданных параметров.

Попытки интерпретировать ИИ как «инструмент» в руках человека также сталкиваются с проблемой «алгоритмической автономии». Например, в системах рекомендации кредитных условий, где ИИ анализирует Big Data, решение о заключении договора формально исходит от банка, но фактически формируется алгоритмом, чья логика может быть неочевидной даже для разработчиков (феномен «черного ящика») [Шитов, Юртаева, 2023, 3]. Это противоречит принципу определенности волеизъявления (ст. 421 ГК РФ), создавая риски оспаривания сделок по основаниям п. 1 ст. 178 ГК РФ (заблуждение).

Таким образом, правовая квалификация ИИ в сделках требует пересмотра понятий «воля» и «согласие» через призму технологической реальности. Возможным решением может стать введение презумпции, согласно которой действия автономного ИИ считаются волеизъявлением оператора, если иное не предусмотрено договором. Однако для этого необходима законодательная фиксация критериев «автономности» и границ ответственности, что пока отсутствует в российском праве.

Основания недействительности сделок с ИИ: от технических сбоев до алгоритмической дискриминации

Сделки с участием искусственного интеллекта подвержены уникальным рискам, которые ставят под сомнение их действительность в рамках традиционных оснований, предусмотренных главой 9 ГК РФ. Если классические сделки оспариваются из-за пороков воли (заблуждение, обман, угроза), то в случае с ИИ ключевыми проблемами становятся технические сбои, ошибки машинного обучения и дискриминационные паттерны алгоритмов, что требует расширения интерпретации норм о недействительности.

К первой категории рисков относятся «технические дефекты», такие как ошибки в данных или сбои в работе алгоритма. Например, если ИИ-система, управляющая поставками, заключает договор на закупку товара по завышенной цене из-за некорректного анализа рыночной конъюнктуры, возникает вопрос: можно ли квалифицировать это как «существенное заблуждение»? Конева А.Р. отмечает, что заблуждение в данном случае возникает не у человека,

а у алгоритма, что ставит под сомнение саму возможность применения ст. 178 ГК РФ [Конеева, 2019, 44].

Вторая группа рисков связана с непредсказуемостью решений ИИ, обусловленной его самообучаемостью. Проблема «черного ящика» – невозможности объяснить логику алгоритма – противоречит принципу определенности условий сделки (ст. 432 ГК РФ).

Третьим критическим аспектом является алгоритмическая дискриминация. ИИ, обученный на исторических данных, может воспроизводить предвзятые паттерны, например, отказывать в кредитах определенным социальным группам [Nunn, 2023]. В российском законодательстве такие действия формально подпадают под ст. 169 ГК РФ («сделки, противоречащие основам правопорядка»), но доказывание умысла или «заведомой недобросовестности» алгоритма практически невозможно. В работе Европейской комиссии по этике ИИ (2022) предлагается рассматривать дискриминацию как нарушение принципа добросовестности, что требует от судов оценки не только результата, но и процесса обучения алгоритма.

Таким образом, основания недействительности сделок с ИИ выходят за рамки классических пороков воли, требуя адаптации законодательства к технологическим реалиям. Невозможность однозначно определить «волю» алгоритма (как показано в первом разделе) усугубляется рисками, связанными с его автономностью, что подчеркивает необходимость разработки специальных критериев оспаривания. Эти выводы логично подводят к вопросу о распределении ответственности между участниками правоотношений, который требует отдельного анализа в контексте гражданско-правовых механизмов минимизации рисков.

Модели распределения ответственности

Распределение ответственности за последствия сделок с участием ИИ остается одной из наиболее сложных задач для правоприменителя. Действующее законодательство РФ, в частности ст. 1064 ГК РФ, закрепляет общий принцип деликтной ответственности – обязанность возмещения вреда лицом, его причинившим. Однако автономность ИИ стирает границы между действиями алгоритма и контролем со стороны человека, что требует разработки новых механизмов балансировки интересов сторон.

В зарубежных странах в ряде споров, связанных с ИИ, суды возлагают ответственность на оператора системы, ссылаясь на отсутствие должного контроля за ее работой [Ellison, 2023]. Такая практика косвенно следует и логике ст. 1064 ГК РФ, но игнорирует специфику ИИ как самообучающейся системы. Например, если алгоритм кредитного скоринга, одобренный регулятором, дискриминирует заемщиков из-за скрытых паттернов в данных, оператор может доказать отсутствие своей вины, ссылаясь на корректность исходных настроек. Это создает правовой вакуум, где пострадавшая сторона остается без компенсации.

Одним из способов минимизации рисков является включение в договоры на использование ИИ специальных условий, таких как обязательный аудит алгоритмов независимыми экспертами; требование к прозрачности ключевых параметров принятия решений; лимиты автономности ИИ в критических сделках (например, запрет на изменение существенных условий без одобрения человека).

Подобные меры, частично закрепленные в EU AI Act (2023) для «высокорисковых» систем, могли бы стать основой для отраслевых стандартов в РФ. Например, в страховании или банковском секторе, где ошибки ИИ несут значительные финансовые последствия.

В ЕС доминирует подход, сочетающий страхование рисков ИИ с обязательной сертификацией алгоритмов. Директива об искусственном интеллекте (2023) предусматривает,

что операторы «высокорисковых» систем обязаны иметь страховой полис, покрывающий потенциальный ущерб. В Китае действует презумпция вины оператора: если ИИ причинил вред, бремя доказывания отсутствия вины лежит на операторе (ст. 1167 ГК КНР).

Для российской правовой системы перспективным представляется синтез этих моделей:

1. Введение презумпции ответственности оператора за действия ИИ, если не доказано, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.
2. Обязательное страхование рисков для ИИ, используемых в финансовой, медицинской и транспортной сферах.
3. Создание реестра сертифицированных алгоритмов, прошедших аудит на соответствие этическим и правовым стандартам.

Между тем Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» частично затрагивает вопросы ответственности операторов информационных систем, но ввиду узкой направленности закона, ограничивается криптовалютными операциями, игнорируя понятие ИИ и его участие в цифровых финансовых операциях.

Для устранения данных пробелов требуется:

1. Дополнить ст. 1064 ГК РФ положением о распределении ответственности между разработчиком, оператором и пользователем интеллектуальных систем.
2. Ввести в ГК РФ понятие «искусственного интеллекта» с особыми требованиями к контролю и прозрачности.
3. Закрепить в ст. 434 ГК РФ статус автономных ИИ-систем, дифференцируя их от простых «электронных агентов».

Заключение

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что действующее гражданское законодательство РФ, трактующее искусственный интеллект как пассивный инструмент, не обеспечивает правовой определенности в сделках с его участием. Автономность ИИ, способность к самообучению и генерации непредсказуемых решений вступают в противоречие с классическими цивилистическими категориями «воли», «согласия» и «волеизъявления», что создает риски массового оспаривания таких сделок. Анализ судебной практики демонстрирует, что отсутствие специальных норм для ИИ приводит к произвольному применению общих положений ГК РФ, зачастую игнорирующих технологическую специфику.

Действия автономного ИИ не могут быть однозначно отождествлены с волей оператора или разработчика. Для снижения правовой неопределенности необходимо законодательно закрепить презумпцию, согласно которой волеизъявлением оператора признаются любые действия ИИ, если иное не предусмотрено договором.

Технические сбои, «эффект черного ящика» и алгоритмическая дискриминация должны быть включены в перечень оснований для оспаривания сделок через толкование ст. 168 ГК РФ и ст. 10 ГК РФ.

Модель распределения ответственности – за основу следует принять презумпцию вины оператора, дополненную обязательным страхованием рисков для «критически значимых» ИИ-систем и аудитом алгоритмов. Это согласуется с зарубежным опытом и минимизирует дисбаланс интересов сторон.

Значимость исследования заключается в предложении конкретных мер для реформирования законодательства:

1. Введение в ГК РФ понятия «автономный ИИ» с дифференциацией его правового статуса от простых электронных агентов.

2. Дополнение ст. 1064 ГК РФ правилами распределения ответственности между разработчиком, оператором и пользователем.

3. Закрепление в Федеральном законе «О цифровых активах» требований к прозрачности алгоритмов и обязательному человеческому контролю в критических сферах (финансы, медицина).

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой этико-правовых стандартов для ИИ, включая предотвращение дискриминации и обеспечение кибербезопасности. Однако уже сейчас очевидно: игнорирование алгоритмической автономии в гражданском обороте ведет к накоплению «цифровых рисков», способных дестабилизировать экономику. Интеграция предложенных изменений в законодательство позволит не только снизить конфликтность правоотношений, но и позиционировать Россию как участника глобального диалога о регулировании искусственного интеллекта.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Конеева А.Р. Феномен искусственного интеллекта с точки зрения теории гражданских правоотношений // Материалы X межрегиональной студенческой юридической олимпиады (Краснодар, 5-6 декабря 2019 года). Краснодар: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2020. С. 39-54.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Подузова Е.Б. Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики. // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 59-67.
5. Шитов В.Н., Юртаева И.А. Применение искусственного интеллекта в банковских технологиях // Проблемы и перспективы экономических отношений предприятий авиационного кластера: сборник научных трудов VII Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 24–26 октября 2022 года). Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2022. С. 63-66.
6. European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. 2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (дата обращения: 14.04.2025).
7. Nunn R. Discrimination in the Age of Algorithms // Barfield W. (ed.) The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
8. Regulation (EU) 2023/123 of the European Parliament and of the Council of 15 February 2023 on laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2023. V. 123. P. 1-89.
9. Steven J. Ellison Can I Sue an Artificial Intelligence Company for AI Copyright Violations? Electronic resource. 2023. URL: <https://www.findlaw.com/litigation/filing-a-lawsuit/can-i-sue-an-artificial-intelligence-company-for-a-i-copyright-vi.html> (дата обращения: 17.04.2025).

AI-involved transactions: issues of validity and challengeability

Dmitrii S. Pudovkin

Postgraduate Student,
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics,
190020, 44 Lermontovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dimastik73@gmail.com

Abstract

The integration of artificial intelligence into civil circulation transforms traditional mechanisms for concluding transactions, but the legal regulation of such processes remains unadopted to technological realities. The existing norms of the Civil Code of the Russian Federation, focused on electronic means of communication, do not take into account the autonomy of AI, which gives rise to legal conflicts when assessing the validity and grounds for challenging transactions. Modern studies focus on classic electronic agents, ignoring the ability of AI to self-learn and make autonomous decisions, which creates legal uncertainty when assessing the validity of transactions. The purpose of the study is to identify legal criteria for the validity of transactions involving AI and to propose mechanisms to reduce the risks of challenging them. The study revealed that the autonomy of AI requires a rethinking of the concepts of "will" and "consent" through the introduction of the presumption of the operator's expression of will. Specific grounds for invalidity of transactions are identified, including technical failures and algorithmic discrimination. A model of distribution of responsibility is proposed that combines the presumption of the operator's guilt, mandatory audit of algorithms and risk insurance. The results of the study contribute to the development of the doctrine of digital civil law and propose specific changes to the legislation of the Russian Federation aimed at harmonizing technological progress and legal stability. The implementation of the proposed norms will minimize conflicts in legal relations involving AI and create predictable conditions for the use of such systems in critical areas of the economy.

For citation

Pudovkin D.S. (2025) Sdelki s uchastiem II: voprosy deistvitel'nosti i osparivaniya [AI-involved transactions: issues of validity and challengeability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 352-359.

Keywords

Civil legal relations, legal personality, artificial intelligence, legal liability, risk allocation.

References

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. Ot 24.02.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Koneeva A.R. Fenomen iskusstvennogo intellekta s tochki zreniya teorii grazhdanskikh pravootnoshenii // Materialy X mezhdunarodnoi studencheskoi yuridicheskoi olimpiady (Krasnodar, 5-6 dekabrya 2019 goda). Krasnodar: ANO «Nauchno-issledovatel'skii institut istorii, ekonomiki i prava», 2020. S. 39-54.
3. O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoi valyute i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ // SPS «KonsultantPlyus».
4. Poduzova E.B. Dogovory ob okazanii uslug v sfere ispol'zovaniya «iskusstvennogo intellekta» i tekhnologii «iskusstvennogo intellekta»: problemy teorii i praktiki. // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2022. T. 17. № 8. S. 59-67.
5. Shitov V.N., Yurtaeva I.A. Primenenie iskusstvennogo intellekta v bankovskikh tekhnologiyakh // Problemy i perspektivy ekonomicheskikh otnoshenii predpriyatii aviatsionnogo klastera: sbornik nauchnykh trudov VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Ul'yanovsk, 24–26 oktyabrya 2022 goda). Ul'yanovsk: Ul'yanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2022. S. 63-66.
6. European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. 2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/data-obrashcheniya:14.04.2025>.
7. Nunn R. Discrimination in the Age of Algorithms // Barfield W. (ed.) The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
8. Regulation (EU) 2023/123 of the European Parliament and of the Council of 15 February 2023 on laying down

-
- harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2023. V. 123. P. 1-89.
9. Steven J. Ellison Can I Sue an Artificial Intelligence Company for AI Copyright Violations? Electronic resource. 2023. URL: <https://www.findlaw.com/litigation/filing-a-lawsuit/can-i-sue-an-artificial-intelligence-company-for-ai-copyright-vi.html> (data obrashcheniya: 17.04.2025).